

***

Я буду никнуть, горевать,
искать пути,
та-та'-та, та'-та, та-та-та'
а ты лети.

Стихи ни для кого

Когда я написал первые стихи
после десятилетнего перерыва,
я первым делом пошёл мыть кухню.
Это было освобождение.
«Мне ничего не нужно».
Все эти дни мне казалось,
что я заболеваю.
Я кутался в кофты,
мне казалось,
что у меня ОРВИ или начинающаяся ангина.
(К тому времени я уже перенес ковид

и за мной установили слежку:
совсем несправедливо
мне выписали пятикратный штраф.)
А когда я написал через четыре дня стихотворение,
ощущение озноба прошло.
Я пошёл на кухню
и стал мыть раковину и стены,
всякие труднодоступные места
(нельзя сказать, что я мыл особенно успешно,
хотя я умею мыть, я упорный).

Стишок пишется так же:
от тебя нужны упорство и слёзы,
желательно потеря,
ощущение переломившейся жизни
(по крайней мере, первый стишок так работает).
Тебе кажется, что жизнь твоя кончилась,
переломилась.
Ты пишешь и плачешь,
и говоришь: я не вернусь, я не вернусь, мы не вернёмся.

А потом это становится неважным.

Потому что вот он, твой первый стишок,
лежит на сложенных вдвое листочках,
исписанных по старинке,
а потом сразу перепечатанный в компьютер,
потому что так легче увидеть знаки.

И потом ты расставишь знаки –
и скажешь: я совсем не это писал,
я не тебя писал.

А там уже что-то больше
того, что ты думал,
о чём ты плакал,
о чём дрожал.

Вот оно, первое стихотворенье заново

свободного человека —

от любви,
от стыда,
от слёз,
от жалости
и сожаленья.

А вот и второе.

***

«Дочка-дочка, будь добра, —
мама говорит: —
У меня внутри дыра,
И она болит.

Принеси воды стакан,
кушать приготовь.
Выпей антидепрессант
за мою любовь.

За глаза его с утра,
зеленее льда».
- Мама, мама, будь добра:
помирать пора.

Серебристая моя,
золото моё,
у тебя давно в груди
битое стекло.

(О себя, как о кровать,
стукнемся во сне.)
«Когда станет умирать,
он придёт ко мне».
Жизнь пройдёт, и снег пойдёт,

полетит на свет.
«Что ж ко мне он не идёт,
Если смерти нет?»

...Мама-мама, вот скамья,
Вот кровать и стол.
Мама, мама, это я.
Я к тебе пришёл.

***

51 – 16 = 35
35 лет что-то происходило в моей личной жизни.
Не пора ли прекратить?

Снова убираю комнату

Разбираю книги:
это в помойку, это в помойку,
Георгия Иванова надо оставить,
А это что такое?
Пустой блокнотик,
хорошенький.
Оставляю за красоту.

А вот это обязательно оставляем:
Надежда Мандельштам, это обязательно
(почему-то я говорю тут «мы»,
хотя я теперь один),
Лидия Чуковская,
Елена Шварц,
Эдуард Лимонов «Дневник неудачника».

Книги, сваленные в пакеты,
В коридоре иногда чуть заметно переваливаются,
шурша пластиком.

Как будто они живые,
Как будто они не хотят уходить.

Дали «Дневник одного гения»,
Дмитрий Мережковский «Испанские мистики»,
«Сонеты» Шекспира –
всё, всё в помойку.

(Ещё в этот момент думаю,
когда Чуня умрёт,
всё выброшу:
миски, подставку для мисок,
полёжки (2 штуки), все пледы –
оставлю только ошейник, но не поводок.
Хватит нам поводков:
«Отпускаю тебя на свободу».)

Все спасённые книжки
занимают места
согласно купленным билетам.
(Успели, сели в последний вагон, нашли тёпленькое
место в ковчеге.)

Потом я прохожу в комнату под полкой,
повешенной так высоко над дверью,
что я даже не вижу названия книг
(там уж точно всякое сосланное барахло),
и говорю: - Я ещё до вас доберусь.

Но сейчас не до них
(я представляю, как они выдохнули,
обрадовались, прижались друг к другу ещё тесней:
«Уф, пронесло»).

Не до них, потому что теперь я мою тарелки на сушке
(они стоят рядом с плитой
и до крайней иногда долетал раскаленный жир).
- Зачем мне столько тарелок?
Надо убрать.

Пока одну мыл, она выскользнула, надкололась
и хоть эта проблема была решена.

... Мои трофеи: тарелки, бизоны, стихи,
связанные, лежат и шевелят лапками.

А может, это бабочки и жуки?